

СЛЕД, ВЕДУЩИЙ К ТЕБЕ

АННА БАРСКАЯ

18+

Анна Барская

След, ведущий к тебе

«Автор»

2026

Барская А.

След, ведущий к тебе / А. Барская — «Автор», 2026

После исчезновения важной свидетельницы и пропажи материалов по коррупционному делу Евгению Соколову переводят из следственного отдела в ДПС, обвинив в профессиональной ошибке. Обычное ДТП неожиданно оказывается связанным ее с прошлым. Расследование сближает Евгению с Андреем, ее напарником, который привык доверять приказам, но не может оставаться в стороне, когда девушке угрожает опасность. Между ними вспыхивают чувства, осложненные тайнами, служебными ограничениями и недоверием. Чтобы раскрыть преступную схему, героям придется столкнуться с теми, кто годами подделывал документы, уничтожал доказательства и заставлял свидетелей молчать. Но смогут ли Евгения и Андрей сохранить друг друга, если враги превратят их любовь в оружие?

© Барская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Напарники	5
Глава 2. Авария	10
Глава 3. Цена ошибки	18
Глава 4. По следам прошлого	22
Глава 5. Откровение	28
Глава 6. Опасное обещание	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Барская

След, ведущий к тебе

Глава 1. Напарники

В шесть сорок пять утра город еще не успел проснуться окончательно. Над проспектом висел бледный туман, фонари отсвечивали в мокром асфальте, а редкие машины скользили по дороге, разбрызгивая по обочинам грязную воду.

Евгения Соколова остановилась у входа в здание подразделения ДПС и несколько секунд смотрела на свое отражение в темном стекле двери.

Темные волосы собраны в строгий низкий хвост. Ни одной выбившейся пряди. Карие глаза смотрят прямо и холодно, будто собеседник уже успел ее разочаровать. Форма сидит безупречно: выглаженная рубашка, застегнутый воротник, ремень затянут ровно настолько, чтобы не мешать движениям. На лице нет ни следа усталости, хотя ночью она почти не спала.

Евгения привыкла выглядеть собранной. Особенно теперь, когда каждый в отделе считал ее падение личной победой.

Еще месяц назад она работала в следственном отделе. Вела сложные дела, задерживалась допоздна, спорила с начальством и считала, что способна выдержать любую нагрузку. В академии МВД Евгения была одной из лучших: отличные оценки, безупречная дисциплина, спортивные нормативы сданы с первого раза.

А потом одна ошибка, одно неверное решение и слишком громкий конфликт с руководством превратили ее карьеру в наказание.

Теперь она была сотрудницей ДПС.

Временно, как уверял начальник. Но Евгения слышала в этом слове только одно: «Пока не докажешь, что достойна вернуться».

Она толкнула дверь и вошла.

В коридоре пахло крепким кофе, мокрой формой и старой краской. Дежурный поднял взгляд от журнала, но ничего не сказал. Евгения прошла мимо, не удостоив его даже кивком, и направилась к кабинету начальника смены.

Дверь была приоткрыта.

— Войдите, Соколова, — раздался изнутри голос майора Воронова.

Евгения вошла.

В кабинете уже кто-то был.

Высокий мужчина стоял у окна, держа в одной руке бумажный стаканчик с кофе. Он был широкоплечим, крепким, но без показной спортивности. Темно-русые волосы коротко подстрижены, лицо загорелое, с резкой линией скул и небольшим шрамом у левой брови. Когда он повернулся, Евгения заметила глаза — серо-зеленые, спокойные и неприятно внимательные.

Он осмотрел ее с головы до ног. Не нагло, но слишком откровенно для первой встречи.

Евгения мгновенно почувствовала раздражение.

— Соколова, знакомьтесь, — сказал Воронов. — Старший инспектор Андрей Лапин. Лапин, это Евгения Соколова. С сегодняшнего дня вы работаете в паре.

Андрей чуть приподнял стаканчик вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Для кого как, — ответила Евгения.

Воронов устало потер переносицу.

— Даже не начинайте. Мне неинтересно, кто из вас привык работать один и кто кого не переносит. В смене нехватка людей. Сегодня вы заступаете на патрулирование вместе.

— Я могу работать самостоятельно, — сказала Евгения.

— Я тоже, — одновременно с ней произнес Андрей.

Они посмотрели друг на друга.

Первой взгляд отвела Евгения. Не потому, что смутилась, а потому, что не собиралась участвовать в этом немом соревновании.

— Очень хорошо, — сухо произнес Воронов. — Значит, оба умеете читать распоряжения. В машине один экипаж, один планшет и два человека. Разберетесь.

— Товарищ майор, у меня нет необходимости в напарнике, — продолжила Евгения. — Я прошла подготовку и имею опыт оперативной работы.

— Именно поэтому вас и поставили к Лапину. У него опыт на дороге, у вас — в следствии. Может, хоть какая-то польза будет.

Последняя фраза прозвучала так, будто речь шла о двух неисправных деталях, которые решили временно соединить.

Андрей сделал глоток кофе.

— Не переживайте, Соколова. Я не собираюсь мешать вам блистать.

— А вы вообще способны не мешать?

— Обычно да. Особенно когда человек не пытается командовать всем вокруг.

— Я не командую.

— Вы только что командовали воздухом в кабинете.

Воронов резко поднял голову.

— Хватит. В гараж. Машина номер двенадцать. Получите маршрут у дежурного и заступайте. Первый вызов уже пришел.

Евгения развернулась к двери.

— После вас, — бросил Андрей.

— Я не нуждаюсь в сопровождении.

— А я не нуждаюсь в разрешении идти следом.

Они вышли в коридор.

Евгения быстро зашагала к лестнице, слыша позади тяжелые шаги Андрея. Он шел неторопливо, словно никуда не спешил и вообще воспринимал происходящее как незначительное неудобство. Это раздражало сильнее всего.

Она привыкла к людям, которые либо старались доказать свою ценность, либо откровенно боялись ее характера. Андрей Лапин не делал ни того ни другого. Он выглядел так, будто его невозможно было вывести из равновесия.

На парковке стоял патрульный автомобиль с мокрым капотом. Андрей открыл водительскую дверь.

— Я поведу, — сказала Евгения.

— Нет.

— Это не просьба.

— А это не обсуждается.

Она остановилась рядом с машиной.

— Вы всегда разговариваете с коллегами в таком тоне?

— Только с теми, кто с первой минуты пытается отобрать у меня руль.

— Потому что я не доверяю вам управление.

Андрей посмотрел на нее сверху вниз. Вблизи он казался еще выше. От его формы пахло холодным воздухом, кофе и чем-то чистым, мужским, что Евгения не смогла определить и тут же мысленно вычеркнула из внимания.

— Вы меня не знаете.

— Мне достаточно первого впечатления.

— Тогда у вас плохое первое впечатление.

— У меня редко бывают плохие впечатления.

— Верю. Вы выглядите человеком, который всегда уверен, что прав.

— Потому что чаще всего я права.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Это будет долгий день.

— Для вас — возможно.

Андрей сел за руль. Евгения обошла машину и устроилась рядом, положив планшет на колени. Между ними оставалось не больше полуметра, но ей казалось, что в салоне слишком мало воздуха.

Он завел двигатель. Радио ожило коротким шипением, затем из динамиков донесся голос спортивного комментатора: утром обсуждали вчерашний футбольный матч.

— Вы серьезно? — Евгения повернула голову.

— Что именно?

— Вы слушаете футбол во время службы?

— Новости. До вызова.

— Какая содержательная жизнь.

— Не всем нужно раскрывать убийства, чтобы чувствовать себя значимым человеком.

Пальцы Евгении сжались на краю планшета.

— Вы много знаете о моей работе для человека, который только что со мной познакомился.

— В отделе умеют разговаривать.

— В отделе умеют сплетничать.

— Это одно и то же, если слушать внимательно.

Диспетчер сообщил адрес. Жалоба на водителя, который перекрыл выезд с парковки у торгового центра и отказался предъявлять документы.

Андрей включил проблесковые маячки и плавно выехал на дорогу. Он водил уверенно, без резких движений. Машина легко вписывалась в поток, а его руки спокойно лежали на руле.

Евгения старалась не смотреть на них.

Не получалось.

У него были сильные кисти, длинные пальцы и небольшая белая отметина на костяшке указательного пальца. Никаких колец. Никаких часов. Ничего лишнего.

— Соколова.

— Что?

— Вы собираетесь всю дорогу изучать мои руки?

Она мгновенно повернулась к окну.

— Я проверяю, насколько уверенно вы держите руль.

— И как результат?

— Пока удовлетворительно.

— Тогда можете перестать проверять.

— Не указывайте мне, что делать.

— Я и не указываю. Просто предупреждаю: если будете так смотреть, я начну думать, что вам интересно.

Евгения резко повернула голову.

Андрей по-прежнему смотрел на дорогу, но в его глазах появилась насмешка.

— Вы самоуверенны, — сказала она.

— А вы слишком легко злитесь.

— Я не злюсь.

— Конечно.

— Лапин.

— Соколова.

Их взгляды встретились на короткое мгновение. Серо-зеленые глаза Андрея были спокойными, но теперь в них появилось что-то новое — внимательное, оценивающее. Евгения почувствовала, как напряжение между ними становится плотнее, почти осязаемым.

Она отвернулась первой.

Торговый центр показался впереди. Андрей припарковался у въезда, и они одновременно открыли двери.

— Держитесь рядом, — сказал он.

— Я знаю порядок действий.

— Тогда не отставайте.

— Я не отстаю.

— Вы уже спорите, а я еще не успел договорить.

Евгения захлопнула дверь и быстрым шагом направилась к парковке. У черного внедорожника действительно стоял мужчина лет сорока, раздраженно размахивая руками. Увидев сотрудников ДПС, он сразу начал возмущаться.

— Наконец-то! Я уже двадцать минут жду! Этот тип перегородил весь выезд!

— Документы, — спокойно попросил Андрей.

— А вы сначала разберитесь, кто тут нарушитель!

Евгения достала удостоверение.

— Успокойтесь. Назовите номер автомобиля и отойдите в сторону.

— Да я вам сейчас все расскажу!

Мужчина шагнул к ней слишком близко. Андрей мгновенно переместился между ними, не касаясь нарушителя, но закрывая Евгению собой.

— Шаг назад, — произнес он негромко.

В голосе не было угрозы. Только такая уверенность, что мужчина замолчал.

Евгения посмотрела на спину Андрея. Широкие плечи, прямая осанка, напряжение в шее. Он не делал ничего лишнего, но его присутствия оказалось достаточно, чтобы изменить ситуацию.

Через несколько минут конфликт был исчерпан. Водитель получил постановление, недовольный заявитель уехал, а Евгения внесла данные в планшет.

— Неплохо, — сказал Андрей.

— Что именно?

— Вы не ударили его планшетом.

— А вы не сделали ничего, кроме того, что встали передо мной.

— Иногда этого достаточно.

— Я сама могу за себя постоять.

— Не сомневаюсь.

— Тогда не надо вести себя так, будто я беспомощная.

Андрей посмотрел на нее. На этот раз без улыбки.

— Я не считаю вас беспомощной.

— Вы именно так себя ведете.

— Я встал между вами и человеком, который нарушил дистанцию. Это называется работа.

Слова повисли между ними.

Евгения вдруг поняла, что он действительно не пытался ее унижить. Не хвастался, не ждал благодарности. Он просто сделал то, что считал необходимым.

Это почему-то злило еще сильнее.

— В любом случае, — сказала она, — в следующий раз сначала предупредите.

— В следующий раз постараюсь заранее согласовать с вами каждое движение.

— Было бы разумно.

— Тогда день точно станет долгим.

Они вернулись к машине. Андрей открыл водительскую дверь, но прежде чем сесть, задержал на Евгении взгляд.

— Я не просил назначать меня вам в напарники.

Она встретила его взгляд.

— Я тоже.

— Значит, хотя бы в чем-то мы согласны.

— Не обольщайтесь. Это единственное.

— Посмотрим.

Он сел в машину.

Евгения устроилась рядом, стараясь не замечать, насколько близко оказывается его плечо, когда он переключает передачу. За окном серый город постепенно наполнялся шумом, светом и людьми.

Она должна была думать о маршруте, рапорте и способах вернуться в следственный отдел.

Но вместо этого слишком отчетливо слышала его голос.

«Посмотрим».

Евгения сжала губы и открыла планшет.

Андрей включил двигатель, и патрульная машина снова влилась в поток.

Они оба были уверены, что этот день станет для них испытанием.

Ни один из них пока не понимал, насколько ошибался.

Глава 2. Авария

К полудню туман окончательно рассеялся, но яснее от этого не стало. Небо затянуло низкими свинцовыми облаками, ветер гнал по трассе мокрые листья, а редкий дождь то начинался, то снова превращался в холодную морось.

Евгения сидела, склонившись над планшетом, и просматривала сводку за смену. Андрей вел машину молча. После первого вызова они почти не разговаривали, если не считать коротких служебных фраз.

— Это устраивало обоих.

По крайней мере, так они старались считать.

— Через два километра будет съезд на старую промзону, — сказала Евгения, сверяясь с маршрутом. — Там камеры не работают.

— Знаю.

— Откуда?

— Живу в этом городе дольше, чем вы.

— Это не означает, что вы его знаете.

— А вы уже проверяли?

— Я проверяю все.

Андрей покосился на нее.

— Кроме собственных выводов.

— Мои выводы обычно подтверждаются.

— Особенно вывод обо мне?

— Он еще формируется.

— Опасно. Вдруг получится что-то хорошее.

Евгения хотела ответить, но в этот момент ожила рация.

— Экипаж двенадцать, ответьте диспетчеру.

Андрей нажал кнопку.

— Двенадцатый на связи.

— Поступило сообщение о ДТП на тридцать втором километре объездной дороги, рядом с заброшенным складским комплексом. Предварительно: один автомобиль в кювете, возможны пострадавшие. Дополнительно очевидец сообщил о втором автомобиле, покинувшем место происшествия. Направляйтесь на место.

— Принял, — ответил Андрей.

Он включил маячки.

Евгения быстро убрала планшет в держатель и потянулась за рацией.

— Есть сведения о марке второй машины?

— Темный внедорожник, номер не установлен. Направляется в сторону города.

Андрей резко перестроился, но тут же выровнял автомобиль.

— Сначала ДТП, — сказала Евгения. — Если там есть пострадавшие, счет может идти на минуты.

— Я знаю.

— Тогда не отвлекайтесь на погоню, которой пока нет.

— А вы не отвлекайтесь на желание командовать.

— Я не командую, я распределяю приоритеты.

— В моей машине приоритеты распределяю я.

— Если из-за этого мы потеряем время, я внесу замечание в рапорт.

— Внесите два.

Старая объездная дорога начиналась за городом и тянулась между лесополосой и заброшенными производственными зданиями. Асфальт здесь давно покрылся трещинами, а обочины размыло дождями. Впереди показался ржавый знак, предупреждавший о резком повороте.

За поворотом лежал перевернутый седан.

Автомобиль сорвался в неглубокий кювет и остановился на боку, зацепившись крышей за молодые березы. Из разбитого капота поднимался пар. Рядом валялись осколки стекла, а на мокрой дороге тянулась длинная темная полоса тормозного следа.

Андрей затормозил так резко, что Евгения ударилась плечом о дверь.

— Вы целы? — спросил он.

— Да.

— Оставайтесь здесь.

— Даже не думайте.

Он уже открыл дверь.

— Соколова, это приказ.

— Мы приехали вдвоем. Если внутри люди, мне нужно осмотреть салон.

Андрей сжал челюсть, но спорить не стал.

Они побежали к машине.

— Есть кто-нибудь внутри? — крикнул Андрей.

Из салона донесся слабый стон.

Евгения обошла автомобиль с передней стороны и заглянула через разбитое окно. На водительском сиденье находился мужчина. Ремень удерживал его в перевернутом салоне, лицо было залито кровью. На заднем сиденье виднелась темная фигура.

— Здесь двое! — сказала она. — Водитель без сознания, пассажир подает признаки жизни.

— Сначала проверяем, нет ли возгорания.

Андрей открыл багажник патрульной машины и достал огнетушитель. Евгения тем временем попыталась добраться до заднего пассажира. Дверь заклинило.

— Лапин, нужен инструмент!

— Отойдите.

— Я сказала, нужен инструмент!

— Отойдите, Соколова.

Он подбежал к автомобилю, вставил монтажный лом в щель двери и налег на него всем весом. Металл жалобно скрипнул, но не поддался.

— Еще раз, — сказала Евгения.

— Я сам.

— Если вы будете работать один, мы потеряем время.

Андрей посмотрел на нее, затем коротко кивнул.

Они встали по обе стороны двери. Евгения держала лом, Андрей уперся ладонью рядом и надавил. Его плечо оказалось почти вплотную к ее плечу. Через мокрую ткань формы она почувствовала напряжение его тела, тепло, резко выделявшееся на фоне холодного воздуха.

— На счет три, — сказал он. — Раз. Два. Три.

Дверь с металлическим стоном отошла на несколько сантиметров.

— Еще!

Они нажали одновременно. Андрей оказался так близко, что его дыхание коснулось ее виска. Евгения на мгновение забыла о боли в ладонях и услышала только его голос, низкий и сосредоточенный.

Дверь распахнулась.

— Я лезу первой, — сказала Евгения.

— Нет.

— В салоне женщина.

— Именно поэтому я иду первым.

— Если вы будете спорить, она может не дожидаться.

Андрей отступил, пропуская ее.

— Действуйте.

Евгения забралась внутрь. Салон пах бензином, мокрой обивкой и кровью. Пассажижкой оказалась молодая женщина, зажата между сиденьем и дверью. Она была в сознании, но дышала тяжело.

— Как вас зовут? — спросила Евгения.

— Марина...

— Марина, слушайте меня. Мы вас вытащим. Не двигайтесь.

— Там... телефон... позвоните мужу...

— Сначала вытащим вас.

Снаружи Андрей проверял двигатель и пытался открыть водительскую дверь. Внезапно он замер.

— Соколова, назад!

— Что?

— Назад, сейчас!

В его голосе не осталось привычной насмешки.

Евгения обернулась. Под капотом вспыхнуло небольшое пламя. Андрей схватил огнетушитель, сорвал пломбу и направил струю на двигатель. Белое облако накрыло капот, но огонь не погас.

— Быстрее! — крикнул он.

— Она зажата!

— Тогда освобождайте ее!

Евгения просунула руку под ремень безопасности и нащупала защелку. Пальцы скользили от дождя и крови. Марина застонала.

— Потерпите еще немного.

— Я не могу...

— Можете. Смотрите на меня.

За спиной раздался резкий хлопок. Пламя перекинулось на левое крыло.

Андрей отбросил опустевший огнетушитель и полез в салон через разбитое окно.

— Лапин, я почти освободила ее.

— Отойдите.

— Нет.

— Евгения, отойдите!

Это был первый раз, когда он назвал ее по имени. Не Соколова, не напарница, не как-то еще. Просто Евгения.

Она замерла лишь на долю секунды, затем отступила к задней двери.

Андрей просунул руку в салон, перехватил ремень и резко дернул. Защелка поддалась. Женщина тяжело осела на сиденье.

— Берите ее под плечи.

— А вы?

— Я вынесу.

— Не командуйте.

— Сейчас можно.

Евгения забралась глубже и обхватила Марину за плечи. Андрей подхватил пострадавшую за ноги. Они вытащили ее из машины почти одновременно. В тот момент, когда Евгения выбралась наружу, под капотом прогремел взрыв.

Андрей резко толкнул ее в сторону.

Они упали на мокрую траву. Евгения оказалась под ним, прижатая к земле его весом. Несколько секунд она слышала только оглушительный гул в ушах и тяжелое дыхание Андрея у самого лица.

Его ладонь лежала рядом с ее головой, другая удерживала ее за талию. Серо-зеленые глаза были совсем близко. В них не осталось ни спокойствия, ни насмешки. Только напряжение и тревога.

— Вы целы? — спросил он.

Евгения кивнула.

— Ответьте.

— Цела.

— Точно?

— Да.

Он еще мгновение не двигался, будто проверял ее слова. Затем поднялся и протянул руку.

Евгения ухватила за нее.

Его пальцы сомкнулись вокруг ее ладони. Крепко, надежно. Слишком долго для обычной помощи, заметила она, хотя Андрей отпустил ее почти сразу.

— У женщины пульс есть, — сказала Евгения, присев рядом с Мариной. — Нужна скорая и пожарные.

— Уже вызвал.

— А водитель?

— Проверю.

— Машина может взорваться снова.

— Поэтому вы останетесь с пострадавшей.

— Я иду с вами.

— Нет.

— Андрей.

Он посмотрел на нее через плечо.

— Если водитель жив, я его вытащу.

— Вдвоем будет быстрее.

— Вдвоем мы можем остаться внутри.

— Вы не можете запретить мне выполнять работу.

— Могу, если считаю, что это лишний риск.

— Вы считаете меня обузой?

— Я считаю, что вы не умеете отступать, даже когда это необходимо.

Евгения встала.

— А вы считаете себя бессмертным.

— Нет, — твёрдо ответил Андрей и быстрым шагом направился к машине, оставив свою напарницу в гордом одиночестве.

Скорая и пожарные подъехали через несколько минут. Медики занялись пострадавшими, пожарные потушили автомобиль пеной. Андрей дал объяснения, Евгения опросила очевидца, который остановился одним из первых. Работа вернула им привычную собранность.

Уже в машине ДПС Андрей посмотрел на нее, задержав взгляд чуть дольше, чем требовалось.

— Почему вы каждый раз рискуете, когда можно дождаться подкрепления.

Евгения отвернулась к окну.

— Потому что я не собираюсь всю жизнь ждать, пока кто-нибудь разрешит мне действовать.

— Даже если это опасно?

— Особенно если опасно.

— Вы хотите вернуться в следствие.

Это прозвучало не вопросом.

— Да.

— И готовы ради этого на все?

— На все, что потребуется.

— Опасный ответ.

— Вы уже говорили, что я опасная.

— Я такого не говорил.

— Но подумали.

— Возможно.

Когда их машина тронулась с места, промзона за стеклом исчезала в серой дымке.

Женя посмотрела на отражение Андрея в боковом стекле. Он снова выглядел спокойным и привычно невозмутимым, но теперь она знала: под этой внешней размеренностью скрывается человек, который не задумываясь бросится в горящую машину.

Андрей, в свою очередь, видел, как она осторожно прячет порезанную ладонь, будто боль была чем-то недостойным внимания. Он уже понял: Евгения Соколова не просто хочет вернуться в следственный отдел. Она бежит от чего-то.

И однажды он все равно выяснит от чего именно.

Пока же им предстояло провести вместе еще шесть часов смены.

После случившегося оба понимали: прежняя неприязнь никуда не исчезла. Просто всё стало гораздо сложнее.

До подразделения они доехали молча.

Евгения смотрела в окно, наблюдая, как за стеклом сменяются промзона, частный сектор и первые высокие дома. На ладонях саднили порезы, в виске неприятно пульсировало после падения, но сильнее всего раздражало другое: она никак не могла перестать вспоминать, как Андрей накрыл ее собой во время взрыва.

Он сделал это не раздумывая.

Не потому, что хотел произвести впечатление. Не потому, что считал ее слабой. Просто увидел опасность и оказался между ней и огнем.

Евгения не любила людей, которые действовали раньше, чем думали. Но еще меньше она любила тех, чьи поступки невозможно было объяснить самолюбием.

— Вы слишком тихая, — сказал Андрей.

— Наслаждайтесь. Такое бывает редко.

— После того как чуть не взорвались, обычно люди говорят больше.

— Обычно люди не пытаются вывести меня из себя каждые пять минут.

— Я думал, вы привыкли к давлению.

— К профессиональному — да. К бессмысленному — нет.

— А если оно не бессмысленное?

— Тогда объясните смысл.

Андрей бросил на нее короткий взгляд.

— Вы все время проверяете окружающих.

— Работа такая.

— Нет. Работа у вас была другой.

Евгения повернулась к нему.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Просто в ДПС не обязательно смотреть на каждого человека так, будто он скрывает место преступления.

— А вы, значит, ничего не скрываете?

— Я обычный человек.

— Это не ответ.

— Тогда давайте так: я пришел после армии, работаю, хожу на футбол, иногда встречаюсь с друзьями. У меня нет тайной жизни, второго паспорта и привычки исчезать по ночам.

— Скучно.

— Зато удобно.

— Вам нравится жить скучно?

— Мне нравится, когда все предсказуемо.

— Тогда вы выбрали не ту профессию.

— Возможно, — сказал Андрей. — Но пока менять ее не собираюсь.

Он снова замолчал. В его голосе не было ни раздражения, ни желания оправдаться. Евгения привыкла, что люди защищают свой образ, когда чувствуют себя задетыми. Андрей будто не считал нужным что-либо доказывать.

Это было почти вызывающе.

У здания подразделения их уже ждал Воронов. Он вышел на парковку, едва увидел патрульную машину, и нахмурился, заметив копоть на форме.

— Докладывайте.

Андрей вышел первым.

— ДТП на тридцать втором километре. Два пострадавших, оба переданы медикам. Возгорание автомобиля, пожарные ликвидировали. Предварительно водитель потерял управление после столкновения с неизвестным транспортом.

— Второй автомобиль нашли?

— Нет, — ответила Евгения. — Очевидец видел темный внедорожник, который двигался от места происшествия в сторону города. Нужно запросить записи с ближайших камер и проверить сводки по угону.

Воронов посмотрел на нее внимательнее.

— Хорошо. Рапорт через час.

— Через час? — переспросил Андрей. — Мы только вернулись.

— А потерпевшие будут ждать, пока вы отдохнете? В кабинет, оба.

Внутри было тепло, но Евгения сразу почувствовала, как одежда начинает неприятно липнуть к коже. После дождя форма промокла, на рукаве осталась грязь, а волосы окончательно потеряли строгий вид.

Она остановилась у зеркала в коридоре и попыталась собрать выбившиеся пряди. В отражении на мгновение показалась не привычная безупречная сотрудница, а уставшая женщина с напряженным лицом и темными глазами, в которых еще не погасло пережитое.

— Оставьте, — сказал Андрей позади.

— Что?

— Волосы. И так нормально.

— Я не спрашивала вашего мнения.

— Знаю.

Он прошел мимо, но остановился у двери в кабинет. Евгения заметила, что он смотрит не на нее, а на отражение в зеркале.

— Что значит «нормально»? — спросила она.

— Значит, вы выглядите как человек, который только что вытащил пострадавшую из горящей машины, а не как участница конкурса на лучший внешний вид.

— А если мне важно выглядеть собранно?

— Тогда соберите волосы позже. Сейчас вам нужно обработать ладонь.

— Вы слишком много внимания уделяете моему состоянию.

— Я уделяю внимание напарнику.

— Мы напарники только на одну смену.

— Сегодняшняя смена еще не закончилась.

Евгения ничего не ответила.

В кабинете они разложили документы на двух соседних столах. Воронов принес им аптечку и оставил на краю стола, не задавая лишних вопросов.

— Лапин, медики осмотрели вас? — спросил он.

— Сказали, что жить буду.

— Это не медицинское заключение.

— Но звучало убедительно.

— Соколова?

— У меня все в порядке.

Воронов посмотрел на них обоих с выражением человека, который слишком давно работает с упрямыми подчиненными.

— Вы двое, похоже, нашли друг друга. Рапорты я жду до конца смены. И без самостоятельности.

— Самостоятельность была у него, — сказала Евгения.

— У нее, — одновременно ответил Андрей.

Майор закрыл глаза.

— Я даже спрашивать не буду.

Когда он вышел, в кабинете снова стало тихо. За стеной звонил телефон, кто-то торопливо диктовал данные дежурному, а по коридору прошли сотрудники из соседней смены.

Андрей открыл аптечку и достал антисептик.

— Дайте руку.

— Я сама обработаю.

— Конечно.

— Что это должно означать?

— Ничего.

— Вы очень часто говорите «ничего» после того, как говорите что-то раздражающее.

— А вы очень часто раздражаетесь после того, как слышите правду.

Евгения положила ладонь на стол.

— Я обработаю ее сама.

Андрей не стал спорить. Он просто взял салфетку, смочил ее антисептиком и протянул ей. Их пальцы соприкоснулись.

Касание было коротким, почти случайным, но Евгения ощутила его слишком отчетливо. Андрей тоже заметил это: его взгляд на долю секунды опустился к их рукам, затем снова поднялся к ее лицу.

— Вы дрожите, — сказал он.

— Я устала.

— Я не спорю.

— И не нужно.

— Не буду.

Она забрала салфетку, но продолжила смотреть на него.

— Почему вы пошли обратно к машине?

— Там был человек.

— Я понимаю, что там был человек. Я спрашиваю, почему вы не дождались пожарных.

— Потому что он мог умереть.

— Вы не знали, что автомобиль не взорвется снова.

— Не знал.

— Это безрассудство.

— Возможно.

— Вы всегда так легко соглашаетесь с обвинениями?

— Только когда они справедливые.

Евгения прищурилась.

— Вам нравится изображать спокойного героя?

Андрей откинулся на спинку стула.

— Нет.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Что именно?

— Ведете себя так, будто вас ничего не пугает.

Он впервые за весь день не ответил сразу.

За окном прошел дождь, и капли застучали по стеклу. Андрей смотрел куда-то поверх ее плеча, словно подбирал слова, которые не привык произносить.

— Мне было страшно, — сказал он наконец. — Просто времени на страх не было.

Евгения замерла.

Он говорил спокойно, без попытки смягчить признание или превратить его в шутку. В этом было больше честности, чем она ожидала от человека, которого утром сочла самоуверенным и поверхностным.

— Вы могли погибнуть, — сказала она тише.

— Мог.

— Я вам неприятна?

Вопрос вырвался неожиданно. Она сама не собиралась его задавать, но было поздно возвращать слова.

Андрей внимательно посмотрел на нее.

— Вы хотите честный ответ?

— Иначе не спрашивала бы.

— Вы сложная.

— Это не ответ.

— Вы резкая, слишком упрямая и смотрите на людей так, будто заранее вынесли им приговор.

— То есть неприятна.

— Нет. Неприятными бывают люди, которых не хочется видеть. Вас хочется понять.

В кабинете стало слишком тихо.

Евгения почувствовала, как по спине проходит едва заметная дрожь, и разозлилась на себя за эту реакцию. Она привыкла контролировать разговоры, людей и собственные эмоции. Но сейчас Андрей смотрел на нее без привычной насмешки, и это лишало ее защиты сильнее, чем любая колкость.

— Не пытайтесь меня понять, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вам не понравится то, что вы найдете.

— А если понравится?

Глава 3. Цена ошибки

Евгения не любила архивы. Не из-за пыли, тусклого света или бесконечных стеллажей с папками. Архивы напоминали ей о том, что любое дело рано или поздно превращается в набор листов, подписей и резолюций. Живые люди исчезают из документов, оставляя после себя только даты, фамилии и короткие формулировки.

«Производство прекращено».

«Доказательств недостаточно».

«Материалы направлены по подследственности».

Сегодня ей предстояло забрать из архива старое дело, о котором она не вспоминала почти два месяца.

Почти.

— Нам сюда, — сказал Андрей, придерживая дверь в административный корпус.

— Я знаю.

— Вы уже были здесь?

— Работала в этом здании.

— В следственном отделе?

Евгения не ответила.

Они вошли в длинный коридор. Здесь было теплее, чем в здании ДПС, но воздух казался тяжелым. Пахло бумагой, кофе и старым линолеумом. За стеклянными дверями кабинетов мелькали знакомые лица. Кто-то узнавал Евгению и тут же отводил взгляд. Кто-то, наоборот, смотрел слишком долго.

Она чувствовала это кожей.

Андрей тоже заметил.

— Вас здесь не любят, — произнес он без обычной насмешки.

— Меня здесь боятся.

— Это разные вещи.

— Не всегда.

У двери архива Евгения остановилась. На табличке значилось: «Старший лейтенант Соколова». Старую табличку еще не сняли. Под ней, чуть ниже, кто-то приклеил новую бумажку: «Временно переведена».

Бумага пожелтела по краям, но слова по-прежнему резали взгляд.

Андрей остановился рядом.

— Я тут побуду.

— Не нужно.

— Воронов сказал забрать материалы вместе.

— Воронов сказал сопровождать меня, потому что дело связано с сегодняшним ДТП. Это не значит, что вы должны стоять у меня за плечом.

— Я и не собирался.

— Тогда почему не уходите?

Андрей посмотрел на табличку.

— Потому что вы побледили.

— В архиве холодно.

— Конечно.

Евгения резко открыла дверь.

— Заходите. Раз уж вы решили изображать наблюдательность.

Внутри дежурный архивариус выдал ей папку по запросу. На обложке стоял номер уголовного дела и дата, от которой у Евгении свело желудок.

Три месяца назад.

Дело о нападении на владельца частной транспортной компании. Мужчина получил два огнестрельных ранения и выжил. Следствие установило, что нападение было связано с махинациями вокруг тендеров на обслуживание городских дорог.

Андрей заглянул через ее плечо.

— Это дело связано с ДТП?

— Возможно.

— Почему?

— В материалах упоминается темный внедорожник. Такой же автомобиль несколько раз видели рядом с местом нападения.

— И сегодня очевидец видел похожую машину возле перевернувшегося автомобиля.

— Именно.

Евгения перелистнула несколько страниц. Внутри лежали копии протоколов, фотографии, распечатки телефонных соединений. На одном из листов красной ручкой было написано: «Проверить версию о причастности Громова И. В.».

Она остановилась.

Андрей заметил это.

— Громов — это кто?

— Начальник службы безопасности транспортной компании.

— Подозреваемый?

— Один из тех, кого мы проверяли.

— А почему дело закрыли?

Евгения медленно закрыла папку.

— Его не закрыли. Меня отстранили от расследования, а материалы передали другому следователю.

— Из-за чего?

— Андрей, не сейчас.

— Сейчас как раз самое время. Мы нашли возможную связь между делом, из-за которого вас перевели, и сегодняшним происшествием.

— Меня перевели не из-за этого.

— Тогда из-за чего?

Евгения посмотрела на него. В его голосе не было любопытства. Только требование понять, с кем он работает и почему начальство отправило ее на дорогу.

Она привыкла к таким вопросам. Но не от него.

— Вы слышали, что я допустила ошибку, — сказала она.

— Да.

— Все слышали. Но никто не знает, какую именно.

— Я слушаю.

Евгения провела пальцем по краю папки.

— У потерпевшего был свидетель. Девушка, которая видела нападавших и могла опознать одного из них. Ее звали Алина Ветрова. Она работала диспетчером в компании Громова.

— Почему ее показания не вошли в дело?

— Потому что она исчезла.

Андрей нахмурился.

— В каком смысле?

— Не явилась на повторный допрос. Не отвечала на звонки. Через два дня ее нашли в съемной квартире. Живую, но избитую.

Он выпрямился.

— Ее допрашивали?

— Да. Она сказала, что ничего не видела и впервые слышит об этом деле.

— И вы ей не поверили.

— Я знала, что она лжет.

— Откуда?

— Она держала руки под столом. На запястье был след от пластикового хомута. А когда я назвала фамилию Громова, у нее началась паническая атака.

Андрей молчал.

Евгения продолжила:

— Я попросила обеспечить ей охрану. Мне отказали. Сказали, что оснований недостаточно и она сама не подтверждает угрозу.

— Кто отказал?

— Руководитель следственной группы. Подполковник Корнеев.

— И что сделали вы?

— Забрала Алину из больницы до официального оформления охраны и отвезла в безопасное место.

— Самостоятельно?

— Да.

— Это нарушение.

— Да.

Она произнесла это без колебаний.

— Я использовала служебную машину, не внесла маршрут в журнал и не сообщила начальству, где она находится. На следующий день Алина дала мне письменные показания. В них она назвала человека, который стрелял в владельца компании.

— И что произошло дальше?

— Через несколько часов материалы исчезли.

Андрей посмотрел на нее внимательнее.

— Исчезли?

— Из сейфа. Вместе с записью ее допроса и флешкой, которую она передала мне.

— Вас обвинили?

— Меня обвинили в нарушении порядка хранения доказательств и превышении полномочий. Сказали, что я могла сама уничтожить материалы, чтобы скрыть ошибку.

— Но вы этого не делали.

— Нет.

— Почему не рассказали, что вывезли свидетельницу?

Евгения усмехнулась, но в улыбке не было ничего веселого.

— Рассказала. Именно поэтому меня и отстранили.

— А свидетельница?

— Алина исчезла через два дня.

Андрей медленно выдохнул.

— Ее нашли?

— Нет.

В архиве зазвенел телефон, но никто из них не двинулся.

— Почему вы не обратились в прокуратуру? — спросил Андрей.

— Обратилась. Проверка закончилась формулировкой «недостаточно объективных данных». Корнеев сохранил должность. Громов уехал из города. А я получила перевод.

— В ДПС.

— В ДПС.

— И все это из-за того, что вы спасли свидетеля?

— Не только. Я ударила Корнеева.

Андрей впервые за весь разговор изменился в лице.

— Вы ударили подполковника?

— Один раз.

— За что?

— Он сказал, что Алина сама виновата и если бы молчала, ее никто не тронул бы.

— И вы решили, что удар — лучший способ возразить?

— В тот момент — да.

— Логично.

Евгения резко подняла голову.

— Вы осуждаете меня?

— Нет.

— По вам не скажешь.

— Я пытаюсь понять, почему вы все время ведете себя так, будто любое правило придумано специально для того, чтобы помешать вам сделать правильную вещь.

— Потому что иногда это именно так.

— А иногда правило существует, чтобы люди не действовали на одних эмоциях.

Евгения шагнула к нему.

— Вы считаете, что я действовала на эмоциях?

— Я считаю, что вы знали о риске и все равно пошли против приказа.

— Да.

— Почему?

— Потому что если бы я ждала разрешения, Алина могла бы не пережить ту ночь.

— Но потом она все равно исчезла.

Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал. Андрей сразу понял это, но сказанное уже нельзя было забрать обратно.

Евгения застыла. Лицо стало неподвижным, взгляд потемнел.

— Вы правы, — сказала она. — Она исчезла.

— Я не хотел...

— Хотели. Вы хотели понять. Теперь понимаете.

— Женья.

— Не надо.

Она закрыла папку и прижала ее к груди.

— Я не жалела о том, что вывезла ее. Ни одного дня. Я жалела только о том, что не успела сделать больше.

Андрей сделал шаг к ней.

— Ты не могла контролировать все.

— Я должна была.

— Нет.

— Именно поэтому я больше не работаю в следствии.

Он остановился напротив. Между ними оставалось меньше метра. Впервые за все время Евгения не отступила и не попыталась.

Глава 4. По следам прошлого

Воронов выслушал их молча.

Папка лежала перед ним раскрытой, рядом с распечатанной фотографией темного внедорожника. Майор несколько раз провел пальцем по снимку, задержавшись на едва различимом фрагменте номерного знака.

— Вы понимаете, что сейчас предлагаете? — спросил он.

— Проверить совпадение по базе угнанных и зарегистрированных автомобилей, — ответила Евгения. — Затем запросить записи с камер на объездной и поднять материалы по делу Ветровой.

— Материалы по делу Ветровой официально не связаны с сегодняшним ДТП.

— Пока не связаны, — сказал Андрей. — Но автомобиль на фотографии и машина, которую описал очевидец, могут оказаться одной и той же.

Воронов перевел взгляд на него.

— Могут. А могут и не оказаться.

— Поэтому мы и хотим проверить, — сказала Евгения.

— Вы хотите проверить или вернуть себе старое дело?

Вопрос прозвучал жестко. Евгения не отвела взгляда.

— Если эти события связаны, это будет не личный интерес, а служебная необходимость.

— Для вас они давно перестали быть только службой.

На секунду в кабинете стало тихо.

Андрей посмотрел на Евгению, но она никак не отреагировала. Только выпрямила и отчеканила:

— Я не прошу вернуть мне дело, — сказала она. — Я прошу дать возможность проверить обнаруженную связь.

Воронов вздохнул.

— Запросы подадите через дежурную часть. Самостоятельно никуда не ездить. Никого не допрашивать без разрешения. Любые новые сведения сразу докладывать мне.

— Принято.

— И еще, Соколова.

— Да?

— Если выяснится, что вы снова перешли границу полномочий, второго перевода может не быть.

— Я понимаю.

— Надеюсь.

Они вышли в коридор. Евгения направилась к лестнице, но Андрей догнал ее у окна.

— Ты слышала его условия?

— Я слышала.

— Тогда почему идешь так, будто уже получили приказ?

Евгения остановилась и повернулась к нему.

— Давно мы на «ты»?

— С архива, — коротко и уверенно отреагировал Андрей.

Женя вздохнула и слегка закатила глаза. Она никак не могла понять, почему ответы ее напарника так легко способны выбить ее колеи. Она отвернулась к окну. Внизу мокрый двор подразделения блестел под фонарями. На стекле отражались они оба: она — строгая, напряженная, с выбившейся прядью у щеки; он — высокий, спокойный, слишком близко стоящий за ее плечом.

— Я уже была виноватой, — сказала она.

— Это не значит, что нужно снова выбирать ту же роль.

— Ты ничего не знаешь о том, что произошло.

— Теперь знаю достаточно.

— Ты знаешь только мою версию.

— А ты хочешь, чтобы я поверил версии тех, кто потерял свидетеля и стер часть материалов?

Евгения медленно повернула голову.

— Ты мне веришь?

Андрей выдержал ее взгляд.

— Я верю, что ты не уничтожала доказательства.

— Это не то же самое.

— Нет. Но для начала достаточно.

В его голосе не было ни жалости, ни попытки понравиться. Только спокойная уверенность. Она неожиданно оказалась для Евгении опаснее сочувствия.

— Не привыкай так легко вставать на мою сторону, — произнесла она.

— Я ни на чью сторону не встаю. Я смотрю на факты.

— А если факты окажутся против меня?

— Тогда я скажу тебе об этом первым.

— И не станешь защищать?

— Если ты окажешься неправа, нет.

Евгения чуть заметно улыбнулась. Они уже спустились на первый этаж и направились к дежурной части. По дороге Андрей остановился у автомата с кофе.

— Тебе взять?

— Нет.

— Ты с утра ничего не ела.

— Откуда ты знаешь?

— Видел, как ты выбросила нетронутый бутерброд.

— Ты следишь за мной?

Андрей нажал кнопку автомата. Через пару секунд Андрей уже протягивал Жене бумажный стаканчик с ароматным напитком.

— Я его не просила.

— Знаю.

Жегя несколько секунд смотрела на него, затем взяла кофе.

Их пальцы соприкоснулись.

На этот раз Андрей не убрал руку сразу. Его ладонь была теплой, шершавой, с тонкими следами от работы. Евгения почувствовала, как напряжение поднимается от пальцев к запястью. Нелепая реакция на обычное прикосновение разозлила ее.

Она забрала стаканчик.

— Если это попытка подкупить меня кофе, она не сработает.

— Я бы не стал тратить кофе на подкуп.

— Тогда зачем?

— У тебя синяки под глазами.

— Очень галантно.

— Я не говорил, что ты плохо выглядишь. Я сказал, что ты устала.

— Ты всегда так ловко выбираешься?

— Только когда рядом человек, готовый обвинить меня в чем угодно.

Евгения сделала глоток. Кофе оказался слишком крепким и горьким, но приятное тепло быстро разошлось по телу.

— Сахар есть? — спросила она.

— Ты же не просила.

— Я передумала.

Андрей достал из кармана два пакетика сахара и положил рядом со стаканчиком.

— Ты предусмотрительный.

— Я просто знаю, что ты сначала отказываешься, а потом меняешь решение.

— Не считай, что уже разгадал меня.

— Даже не начинал.

В дежурной части они подали запросы. Пока сотрудник заносил данные в систему, Евгения снова открыла фотографию из старого дела.

— Посмотри на фонарь, — сказала она.

Андрей наклонился к планшету. Их плечи соприкоснулись.

— Повреждение справа.

— На снимке трехмесячной давности фонарь разбит. Очевидец сегодня описал машину с таким же повреждением.

— Если его не заменили.

— Владелец мог не ремонтировать автомобиль.

— Или это та же машина.

Евгения приблизила изображение. На заднем стекле автомобиля был логотип фирмы «Транском-Сервис».

— Откуда он на машине?

— Компания могла выдавать автомобили сотрудникам.

— Громов отвечал за безопасность этой фирмы.

— Или внедорожник принадлежал ему.

Андрей достал телефон и набрал номер знакомого из регистрационного отдела. Евгения наблюдала за ним, стараясь сосредоточиться на разговоре, но невольно отмечала детали: напряженную линию его челюсти, чуть нахмуренные брови, спокойный голос, который становился жестче, когда речь заходила о работе.

Он закончил звонок через несколько минут.

— Машина зарегистрирована на ООО «Транском-Сервис», — сказал Андрей. — Но три недели назад ее сняли с учета.

— Кем?

— Запрос отправили. Ответят официально.

— Три недели назад, — повторила Евгения. — Почти сразу после того, как исчезла Алина.

— Это может быть совпадением.

— Ты действительно так думаешь?

— Нет. Но в рапорте напишу именно так, пока не получим подтверждение.

— Разумно.

— Ты только что меня похвалила?

— Не преувеличивай.

Их вызвал дежурный.

— По вашему запросу есть предварительная информация. Внедорожник после снятия с учета не утилизировали. Его продали частному лицу. Покупатель — Илья Громов.

Евгения почувствовала, как внутри все холодеет.

— Адрес? — спросила она.

Дежурный назвал улицу на окраине города.

— Он до сих пор там живет? — спросил Андрей.

— По базе — да. Но адрес нужно проверять.

Евгения уже развернулась к выходу.

— Мы едем туда.

— Нет, — одновременно сказали Андрей и дежурный.

Она резко посмотрела на напарника.

— Почему нет?

— Потому что Воронов запретил самостоятельную проверку. Мы отправим ориентировку и запросим группу, — ответил Андрей.

— Пока группа будет оформлять разрешение, Громов уедет.

— А если он вооружен? Если за ним действительно стоит нападение? Ты собираешься постучать к нему в дверь с планшетом?

— Я собираюсь проверить адрес.

— Ты собираешься снова нарушить приказ.

Андрей шагнул ближе. Не угрожающе, но достаточно, чтобы Евгения почувствовала его присутствие всем телом.

— Женя, нам надо сделать так, чтобы мы оба вернулись живыми и с доказательствами, — тихо сказал он.

— У нас нет времени.

— У нас есть пятнадцать минут до того, как запрос уйдет руководству. За это время мы можем проверить, наблюдается ли дом.

— Из машины.

— Из машины.

Евгения поняла, что он не отступит. И, к своему раздражению, заметила, что не хочет, чтобы он отступал.

— Хорошо, — сказала она. — Но если увидим Громова, действуем по обстановке.

— Действуем по закону, — резко перебил девушку Андрей.

Дорога к дому подозреваемого проходила вдоль железнодорожных путей, потом свернула к частному сектору. Дома здесь стояли редко, между ними темнели заросшие сады и заброшенные участки.

Адрес Громова оказался небольшим кирпичным коттеджем за высоким металлическим забором. В окне первого этажа горел свет. У ворот стоял темный внедорожник.

Поврежденный задний фонарь был закрыт прозрачной лентой.

Евгения почувствовала, как участился пульс.

— Это он, — сказала она.

Андрей остановил машину через сорок метров от дома, не включая сирену.

— Я передаю адрес группе.

— Смотри.

На втором этаже дома мелькнула тень. Затем свет в окне погас.

Ворота начали открываться.

— Он уезжает, — сказала Евгения.

Андрей взял рацию.

— Экипаж двенадцать. Обнаружен подозрительный автомобиль по адресу, связанному с делом Ветровой. Темный внедорожник, предположительно принадлежащий Илье Громову. Машина покидает территорию.

— Группа направлена, — ответил диспетчер. — Не вступать в контакт до прибытия подкрепления.

Из ворот выехал внедорожник и резко ускорился.

Андрей включил двигатель.

— Не приближайся, — сказала Евгения.

— Я знаю.

— Он может понять, что за ним следят.

— Тогда будем держать дистанцию.

Машины влились в темную улицу. Внедорожник шел быстро, петляя между домами. Андрей вел спокойно, не включая маячки, оставляя между ними несколько автомобилей.

Евгения передала диспетчеру направление движения и заметила, что Громов свернул к старой железнодорожной ветке.

— Он уходит в промзону.

— Там можно оторваться.

— Или встретиться с кем-то.

Впереди внедорожник внезапно затормозил. Андрей нажал на тормоз, но машина Громова уже развернулась поперек дороги.

— Он нас заметил, — сказал Андрей.

Из внедорожника никто не вышел. Задняя дверь приоткрылась, и на асфальт выпал небольшой черный пакет.

Машина тут же рванула вперед и скрылась за поворотом.

Андрей остановился.

— Не выходи, — сказал он.

— В пакете могут быть доказательства.

— А может быть оружие.

— Подкрепление через сколько?

— Четыре минуты.

Женя посмотрела на пакет, лежавший в свете фар. На его поверхности темнело красное пятно.

— Андрей, там кровь.

Он выругался сквозь зубы и достал перчатки.

— Оставайся в машине.

— Нет.

— Женя, — сквозь зубы прошипел Андрей.

Она услышала в его голосе не неприязнь, а тревогу. И именно это заставило ее замереть.

Андрей вышел один, осторожно приблизился к пакету и раскрыл его кончиком складного ножа.

Внутри лежал мобильный телефон, окровавленная куртка и фотография молодой женщины.

Алина Ветрова смотрела в объектив с усталым, испуганным лицом.

На обратной стороне фотографии было написано от руки:

«Она все еще жива».

Евгения вышла из машины, не дожидаясь его разрешения.

Андрей резко обернулся.

— Я сказал тебе оставаться внутри.

— Ты не можешь мне приказывать.

Он хотел возразить, но увидел ее лицо и промолчал.

Евгения взяла фотографию дрожащими пальцами. Впервые за все время Андрей увидел в ее глазах не злость и не упрямство, а настоящий страх.

— Три месяца, — прошептала она. — Три месяца я думала, что она мертва.

Андрей встал рядом. Их плечи соприкоснулись.

— Теперь у нас есть шанс ее найти.

— Если это не ловушка.

— Тогда мы найдем того, кто ее устроил.

Евгения посмотрела на него.

— Почему ты все время говоришь «мы»?

Андрей не отвел взгляда.

— Потому что ты больше не одна.

Сирены подкрепления раздались в конце улицы, но Евгения почти не услышала их. Она смотрела на Андрея, на его окровавленные пальцы в перчатках, на серо-зеленые глаза, в которых не было ни жалости, ни сомнения.

Только обещание. И от этого обещания становилось страшнее, чем от любой угрозы. Потому что теперь на кону была не только ее карьера. Теперь под ударом оказались они оба.

Глава 5. Откровение

Подкрепление прибыло через три минуты.

Сотрудники оперативной группы оцепили участок дороги, изъяли пакет и начали прочесывать прилегающую территорию. Внедорожник Громова уже исчез за железнодорожной насыпью, но его номер и направление движения успели передать всем экипажам.

Женя стояла у патрульной машины, крепко сжимая в руке фотографию Алины. Бумага намокла по краям, но лицо девушки оставалось отчетливо видимым. Уставший взгляд, напряженные губы, темные круги под глазами.

Живая. Или кто-то очень хотел, чтобы Евгения в это поверила.

— Соколова, — позвал ее Воронов. — Отдайте фотографию экспертам.

Евгения не сразу отреагировала.

Андрей стоял неподалеку и наблюдал за ней. Еще утром он бы сказал, что она снова пытается все контролировать, снова держит в руках то, что давно должно было стать вещественным доказательством. Сейчас он видел другое.

Она боялась.

Не за себя. Не за карьеру. За женщину, которую однажды попыталась спасти и потеряла.

Это открытие изменило его взгляд на напарницу сильнее, чем он хотел признать.

До этого он считал ее резкой, тяжелой, неудобной. Женщиной, которая не просит помощи, потому что считает просьбу поражением. Ее холодность казалась ему высокомерием, а постоянные споры — привычкой давить на окружающих.

Но теперь Андрей замечал за каждым ее резким словом не презрение, а страх не успеть. За каждым приказом — попытку удержать ситуацию от нового провала. За раздражением — усталость человека, который слишком долго винил себя за чужую жестокость.

Он вдруг понял, что все это время смотрел на нее неправильно.

Евгения отдала фотографию эксперту и вернулась к машине.

Когда она открыла дверь, Андрей остановил ее, положив ладонь на крышу автомобиля.

— Ты в порядке?

— Да.

— Это неправда.

— Ты теперь специалист по распознаванию лжи?

— Нет. Просто уже знаю, как ты отвечаешь, когда хочешь, чтобы тебя оставили в покое.

Евгения посмотрела на его руку. Потом подняла взгляд.

— А ты теперь собираешься оставить меня в покое?

Вопрос прозвучал вызывающе, но Андрей услышал в нем другое. Проверку. Она хотела понять, отступит ли он, если она снова наденет привычную маску.

— Нет, — ответил он.

Женя едва заметно напряглась. Несколько секунд они молчали. Ветер трепал ее темные волосы, выбившиеся из хвоста. Андрей впервые позволил себе рассмотреть ее не украдкой, а открыто.

Темные пряди прилипли к влажным вискам. На щеке осталась тонкая полоска грязи. В карих глазах, обычно жестких и внимательных, сейчас было столько боли, что ему захотелось сделать невозможное: забрать ее себе, спрятать, оградить от всего, что она пыталась выдержать одна.

Это желание оказалось неожиданным и слишком сильным.

Андрей привык к простым вещам. Работа, футбольные матчи, редкие встречи с друзьями, квартира, в которой все лежало на своих местах. Его жизнь не требовала сложных решений и не заставляла каждое утро думать, кому он может доверять.

Евгения нарушала этот порядок одним своим присутствием.

Рядом с ней он начинал внимательнее следить за словами, запоминал, сколько сахара она кладет в кофе, замечал, когда она устает, и раздражался, если кто-то говорил о ней свысока. Он уже знал, как она хмурится, когда читает документы, как прикусывает нижнюю губу, если пытается сдержать злость, и как слегка отводит взгляд, когда разговор становится слишком личным.

Андрей не хотел знать эти вещи.

Но знал.

— Андрей, убери руку, — сказала Евгения.

Он сразу отступил.

— Прости.

Она удивленно посмотрела на него.

— Ты умеешь извиняться?

— Иногда.

— Не ожидала.

— Я тоже.

Она села в машину. Андрей обошел капот и занял водительское место. В салоне пахло мокрой формой, металлом и кофе, который давно остыл в подстаканнике.

Они не торопились возвращаться. Оперативная группа еще работала на месте, а Воронов отправил им распоряжение дожидаться результатов первичного осмотра.

Евгения сидела, глядя прямо перед собой.

— Почему ты пошел в ДПС? — спросила она.

Андрей повернул голову.

— Внезапно захотелось узнать?

Она усмехнулась. Андрей выключил двигатель. В салоне стало тише, только дождь постукивал по крыше.

— Мой отец был водителем, — начал он. — Не сотрудником полиции. Работал на междугородних маршрутах, потом устроился в аварийную службу. Ездил на ДТП, помогал вытаскивать людей из машин. Я ребенком часто ждал его по ночам и злился, что он снова не пришел вовремя.

— А потом понял почему?

— Понял, когда вырос.

Он посмотрел на мокрую дорогу.

— Однажды зимой на трассе произошла авария. Автобус занесло, он пробил ограждение и упал в кювет. Отец был первым, кто приехал на место. Спасал людей до приезда пожарных. В тот день он вытащил из автобуса семерых.

— А сам не выбрался.

— Нет. Его нашли только утром.

Женя молчала.

Андрей говорил ровно, будто давно привык повторять эту историю, но она видела, как напряглась его рука на руле.

— После армии я не знал, куда идти. Мог остаться служить, но не захотел. Дома было пусто. Мать жила отдельно, друзей почти не осталось. В аварийную службу меня не взяли: не было образования и опыта. А в ДПС требовались люди.

— Ты пошел из-за отца?

— Сначала — да. Хотел понять, почему он каждый раз ехал туда, где остальные старались не оказаться. Потом понял, что дело не в форме и не в должности. Когда приезжаешь первым, у тебя нет времени выбирать, страшно тебе или нет. Есть человек, которому нужна помощь.

Евгения посмотрела на него.

— Поэтому ты полез в горящую машину.

— Поэтому.

— Ты мог погибнуть.

— Мог.

— И все равно говоришь об этом так, будто ничего особенного не произошло.

— Для меня произошло. Просто я не привык делать из этого историю.

Женя отвела взгляд.

— А я привыкла, что за каждое решение приходится платить.

— Ты заплатила за то, что нарушила приказ. Но это не делает твоё решение неправильным.

— Очень удобная формулировка.

— Нет. Просто я знаю, что значит жить с чужой смертью в голове.

Женя снова повернулась к нему.

— Вiniшь себя за отца?

Андрей долго не отвечал.

— Иногда. Хотя понимаю, что это бессмысленно. Я был в армии и даже не знал, что он уехал на тот вызов. Но чувство вины не интересуется логикой.

Впервые они оказались по одну сторону боли.

Не одинаковой, не равной, но узнаваемой.

Женя медленно протянула руку и коснулась его запястья. Она сделала это почти машинально, не успев остановить себя. Под пальцами чувствовался ровный пульс.

Андрей посмотрел на её руку.

Его дыхание изменилось.

Всего одно прикосновение, но оно оказалось интимнее любых слов. Евгения могла убрать руку, однако не сделала этого сразу. Её пальцы лежали на его коже, легкие и теплые, а взгляд оставался серьезным.

— Ты не обязан был рассказывать это мне, — сказала она.

— Уже рассказал.

— Почему?

— Не знаю.

Но он знал.

Потому что она сидела рядом, уставшая, испуганная и все равно готовая снова броситься навстречу опасности. Потому что ему хотелось, чтобы она увидела в нем не просто обычного мужчину из ДПС, которого можно задеть одной фразой. Хотелось, чтобы она знала: его спокойствие тоже чего-то стоило.

И потому что рядом с ней впервые за много лет его молчание перестало казаться чем-то неправильным.

Женя убрала руку.

— Наверное, поэтому ты так реагируешь, когда я рискую.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— И еще, потому что ты мне небезразлична.

Слова прозвучали тише, чем он ожидал, но в замкнутом салоне их невозможно было не услышать.

Евгения замерла.

— Мы знакомы второй день, — произнесла она.

— Знаю.

— Ты почти ничего обо мне не знаешь.

— Знаю.

— Тогда это не может быть чувством.

— Возможно, еще нет.

— А чем это является?

Андрей задумался.

— Желанием узнать тебя. Желанием быть рядом, когда ты снова решишь спасти весь мир. Раздражением, когда ты смотришь на меня так, будто я уже тебя подвел. И страхом, когда тыходишь туда, откуда можешь не выйти.

Евгения слушала, не перебивая.

В глубине души она ждала от него другой реакции: самоуверенного флирта, легкой улыбки, попытки превратить напряжение в игру. Но Андрей говорил серьезно. Без давления. Он не требовал ответа и не делал вид, будто признание что-то меняет между ними прямо сейчас.

Именно поэтому оно меняло.

— Ты не должен так на меня смотреть, — сказала она.

— Как?

— Будто уже видишь больше, чем я показываю.

— А ты не должна делать вид, что тебе это неприятно.

Девушка хотела возразить, но не смогла.

В этот момент по рации передали, что группа обнаружила на насыпи следы автомобиля. Громова пока не нашли. Пакет направляли на экспертизу, фотографию приобщали к материалам проверки.

Обычная служебная информация вернула их в реальность.

Женя первой отстранилась и взяла планшет.

— Нам нужно доложить Воронову о том, что Громов видел нас.

— Да.

— А разговор, который был до этого, нужно забыть.

Андрей завел двигатель.

— Ты хочешь его забыть?

Она посмотрела на него. На лице снова появилась привычная сдержанность, но теперь Андрей уже умел различать оттенки ее эмоций.

— Я хочу, чтобы он не мешал работе.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Женя отвернулась к окну, но он заметил, как дрогнули уголки ее губ.

Патрульная машина тронулась к подразделению.

Андрей вел медленно, хотя дорога позволяла ехать быстрее. Ему хотелось продлить эти минуты, пока они оставались вдвоем и не должны были снова надевать на себя служебные роли. Он знал, что это опасно. Знал, что любое чувство между напарниками может осложнить работу, особенно если они расследуют дело, связанное с угрозой жизни.

Но впервые за долгое время опасность не заставляла его отступить.

Евгения сидела рядом. Она снова стала собранной, внимательной, готовой спорить с любым, кто встанет у нее на пути.

Только теперь Андрей видел в ней не холод.

Он видел женщину, которая слишком долго держалась одна.

И ему хотелось стать первым, кому она позволит не спасать ее, а просто остаться рядом.

Когда они подъехали к подразделению, Евгения не сразу открыла дверь.

— Андрей.

— Да?

— Если ты еще раз скажешь, что я тебе небезразлична, я внесу это в рапорт как попытку давления на напарника.

— Тогда буду молчать.

— Это было бы разумно.

— Но смотреть ты мне не запретишь.

Она повернулась к нему. В ее карих глазах впервые не было неприязни.

Только настороженность, любопытство и едва заметное тепло.

— Не уверена, что это надолго, — сказала она.

— Я не тороплюсь.

Женя вышла из машины, захлопнула дверь и направилась к зданию. Через несколько шагов остановилась и обернулась.

— Лапин.

— Что?

— Я тоже хочу узнать, чем все это закончится.

Она не стала уточнять, говорила ли о деле или о них.

Андрей понял, что именно такая неопределенность и будет держать его рядом.

Он вышел из машины и пошел следом.

Впереди их ждали экспертизы, поиски Алины Ветровой и человек, который уже однажды сумел стереть следы своего преступления.

Глава 6. Опасное обещание

К ночи дождь усилился.

Он стучал по стеклам подразделения, стекал по козырьку над входом и превращал парковку в черное зеркало, в котором дрожали желтые огни фонарей. Внутри было непривычно тихо. Дневная смена разошлась, дежурный говорил по телефону вполголоса, а за стеной монотонно гудел старый принтер.

Евгения сидела за столом и перечитывала протокол осмотра пакета, найденного у железнодорожной насыпи. В документе было слишком мало информации: окровавленная куртка, мобильный телефон без сим-карты, фотография Алины Ветровой.

«Она все еще жива».

Фраза не давала ей покоя.

Кто-то хотел, чтобы она поверила в это. Но кто-то же знал, что фотография сработает. Знал, какую реакцию вызовет. Значит, человек, оставивший пакет, либо следил за делом, либо внимательно изучал саму Женю.

Обе версии ей не нравились.

— Ты уже в третий раз читаешь один и тот же абзац, — сказал Андрей.

Он стоял у окна, прислонившись плечом к подоконнику. Форму он успел сменить только частично: расстегнул воротник, снял мокрую куртку, закатал рукава рубашки. На виске осталась тонкая полоска пластыря.

Женя подняла глаза.

— А ты уже в третий раз делаешь вид, что не наблюдаешь за мной.

— Я не делаю вид.

— Это должно успокаивать?

— Не знаю. Просто я не очень хорошо разбираюсь в успокоении следователей, которых временно перевели в ДПС.

— Я уже не следователь.

— Ты все еще думаешь как следователь.

— А ты все еще думаешь как человек, который считает, что достаточно просто следовать инструкции.

— Обычно инструкций достаточно.

— Тогда почему ты остался в ДПС?

Андрей едва заметно улыбнулся.

— Мы снова возвращаемся к этой теме?

— Ты не ответил.

— Ответил.

— Ты рассказал про отца. Это причина, по которой ты пришел. Но не причина, по которой ты остался.

Он отвернулся к окну.

Женя заметила, что вопрос задел его сильнее, чем он показал. Раньше она бы не стала продолжать. Теперь ей хотелось понять, что именно прячется за его спокойствием.

— Ты не обязан рассказывать, — сказала она чуть мягче.

Он отошел от окна и сел напротив. Между ними стоял стол, заваленный бумагами, но расстояние вдруг показалось слишком большим.

— После смерти отца я поступил в ведомственный институт, — сказал Андрей. — Не в академию. Обычный заочный факультет, пока работал. Думал, что так будет ближе к тому, чем он занимался.

— И что произошло?

— Через год я понял, что не хочу заниматься документами. Мне проще работать там, где решение нужно принять сразу. На дороге все понятно: есть нарушение, есть последствия, есть люди, которым нужна помощь.

— В следствии тоже есть люди.

— Знаю. Но там последствия иногда появляются через месяцы. А я не умею ждать, когда вижу проблему.

Женя посмотрела на него внимательнее.

— Не думал перевестись в уголовный розыск?

— Предлагали. Отказался.

— Почему?

Андрей провел ладонью по затылку.

— Потому что однажды уже не успел.

Евгения ничего не сказала.

— В первый год службы я приехал на вызов один из первых. Мужчина заперся в квартире и угрожал, что причинит вред себе. Мы ждали переговорщика. Руководитель приказал не входить. Я послушал.

— И что случилось?

— Он погиб до того, как мы вошли.

— Вы не могли знать, чем все закончится.

— Мог попытаться.

— Вам запретили.

— А потом все сказали, что приказ был правильным.

— Но вы с этим не согласились.

— Я согласился с приказом. Не согласился с собой.

Эти слова остались между ними.

Женя очень хорошо знала это чувство. Когда все вокруг говорят, что ты поступил правильно, а внутри снова и снова прокручивается один момент, в котором можно было сделать иначе. Подойти раньше. Сказать другое. Не закрыть папку. Не отпустить человека одного.

Она медленно убрала со стола фотографию Алины.

— Мы похожи, — сказала Евгения.

— Не торопись с выводами.

— Мы оба уверены в том, что могли предотвратить случившееся.

— Ты теперь анализируешь меня?

— Только когда ты сидишь напротив и сам все рассказываешь.

Женя почувствовала, как напряжение в кабинете меняется. Андрей смотрел на нее открыто. Не как на коллегу, не как на источник проблем, а как на женщину, которую нужно защищать. В его взгляде было внимание, от которого становилось трудно дышать.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила она.

— Как?

— Будто хочешь что-то сказать.

— Я много чего хочу сказать.

— Например?

Андрей наклонился вперед, опираясь локтями на стол.

— Например, что ты не обязана все время быть сильной.

— Обязана.

— Перед кем?

— Перед собой.

— Женя, это не сила. Это наказание.

Она резко встала, но стул не упал, а отъехал назад и уперся в шкаф. Он тоже поднялся, и теперь между ними оставалось всего несколько сантиметров.

— Не говори со мной так, будто знаешь, что для меня лучше, — произнесла она.

— Я и не знаю.

— Тогда не делай вид.

— Я и не делаю вид.

Андрей стоял напротив, не касаясь ее, но его близость ощущалась сильнее любого прикосновения. От него пахло дождем, кофе и чистой тканью формы. Серо-зеленые глаза задержались на ее лице, потом опустились к губам.

Евгения заметила это.

И не отвернулась.

— Андрей, — тихо сказала она.

— Что?

— Если ты сейчас собираешься снова сказать, что я тебе небезразлична, лучше не надо.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что на это ответить.

— Тебе не обязательно отвечать.

Он поднял руку и медленно убрал темную прядь с ее щеки. Кончики пальцев едва коснулись кожи у виска. Женя замерла. Она могла отойти, могла перехватить его руку, могла напомнить о службе и границах, которые сама проводила между ними с первой встречи.

Но не сделала ничего.

Андрей провел пальцами по ее скуле и остановился у линии подбородка. Его дыхание коснулось ее губ.

— Скажи мне остановиться, — прошептал он.

— Ты всегда такой осторожный?

— Только с теми, кто мне важен.

Ее сердце ударило сильнее. Она положила руку ему на грудь. Под тонкой тканью рубашки чувствовалось напряжение мышц и быстрый, тяжелый ритм сердца. Андрей опустил взгляд на ее пальцы, затем снова посмотрел ей в глаза, слегка наклонился, и их губы встретились в коротком, почти робком поцелуе. Но стоило ей ответить, как осторожность исчезла. Поцелуй стал глубже; словно они годами убеждали себя, что не голодны, пока перед ними вдруг не поставили тарелку с едой. На несколько секунд кабинет, старое дело и все опасности за стенами перестали существовать. Накопившееся напряжение, тревога и невозможность дальше делать вид, что между ними ничего не происходит, — смешались воедино.

В этот момент рация на столе взорвалась резким сигналом.

— Экипаж двенадцать, срочный вызов! Нападение на сотрудника полиции. Район старой насосной станции, выезд со стороны объездной дороги. Подозреваемый скрылся на автомобиле темного цвета. Возможна связь с ранее объявленным ориентированием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.